

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150016294-6

Советская “оборонная литература” начала 1930-х годов и (анти)колониализм: литературное оформление новой идеологии

© 2021 г. А. О. Бурцева

Научно-издательский центр “Ладомир”,
Россия, 123365, Москва, Зеленоград, ул. Заводская, д. 4
alla.burtseva@gmail.com

Резюме. Статья посвящена проблеме советской пропаганды в литературе, а именно комбинации антиколониального и оборонного аспектов. Литературное объединение Красной армии и Флота было основной организацией, включавшей оборонную тему в советский литературный дискурс. Объединение издавало журнал “ЛОКАФ”, перед которым ставилась задача превратить всю литературу в “оборонную”. Это определение было изобретено самими членами объединения. Советская пропаганда в период между двумя мировыми войнами была направлена в том числе на убеждение читателя в том, что новая война неизбежна из-за “империалистических” амбиций иностранных правительств. Этот аспект также реализовывался в сочетании оборонной и колониальной тем. Это сочетание порождало особые литературные паттерны. Писатели разрабатывали специфические стратегии, чтобы соответствовать избранной пропагандистской линии. Они сочетали свою привычную тематику (например, Центральная Азия или морская тема) с антиколониальным пафосом разными способами. Литературная критика также интегрировала колониальную тему в оборонную литературу, чтобы продемонстрировать, что колониализм — тоже проблема обороны. Читатель должен был понять, что политика СССР по существу антиколониальная, а оборонная литература — таким образом легитимировать внешнюю и внутреннюю политику СССР.

Ключевые слова: советская литература, оборонная литература, пропаганда в литературе, колониализм, история советского журнала, советские литературные организации 1930-х годов.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00549 А.

Для цитирования: Бурцева А.О. Советская “оборонная литература” начала 1930-х годов и (анти)колониализм: литературное оформление новой идеологии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 4. С. 34–42. DOI: 10.31857/S241377150016294-6

Soviet “Defense Literature” of the Early 1930s and (Anti)colonialism: Literary Formation of the New Ideology

© 2021 Alla O. Burtseva

Ladomir Publishing House,
4 Zavodskaya Str., Zelenograd, Moscow, 123365, Russia
alla.burtseva@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of Soviet propaganda in literature, specifically with the combination of anticolonial and defense aspects. The Literary Association of Red Army and Navy was the main organization introducing defense theme into Soviet literary discourse. The Association issued a journal named LOKAF, which had to make all literature “defense literature”. This term was invented by the members of the Association themselves. Soviet propaganda of the interwar period had a special interest in making the reader believe that the new war was inevitable because of the “imperialistic” ambitions of foreign

governments. This aspect was also realized in conjunction of defense and colonial topics. This conjunction provided specific patterns of literary discourse. The authors developed specific strategies in order to follow this point of view. They combined their original field of literary interest (such as Soviet Central Asia or marine theme) with anti-colonial discourse in different ways. Literary reviews also integrated colonial patterns into defense literature in order to show that issues of colonialism were defense issues too. The reader had to learn that Soviet politics was anti-colonial. Defense literature aimed to legitimize Soviet politics, both external and internal.

Key words: Soviet literature, Defense literature, Literary propaganda, Colonialism, Soviet journal history, Soviet literary organizations of the 1930s.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00549 A.

For citation: Burtseva, A.O. *Sovetskaya “oboronnaya literatura” nachala 1930-kh godov i (anti)kolonializm: literaturnoye oformleniye novoy ideologii* [Soviet “Defense Literature” of the Early 1930s and (Anti)colonialism: Literary Formation of the New Ideology]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 4, pp. 34–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150016294-6

В период между двумя мировыми войнами советская пропаганда особое внимание уделяла теме обороны страны. Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), созданное в 1930 г., стало проводником этой темы в работе с писателями. Привлекая как опытных, так и начинающих авторов, объединение способствовало появлению целой литературы, получившей название “оборонной”. Так называли свои произведения сами литераторы — члены объединения. Понятие “оборонная литература” охватывало не только тексты этих авторов, декларировалась установка на то, что вся советская литература в той или иной степени должна быть оборонной [1, с. 159–161]; [2, с. 231–233]. Центральным печатным органом объединения стал московский журнал “ЛОКАФ”¹. В журнале публиковались художественные тексты, рецензии и публицистика, связанные с оборонной тематикой. Постепенно формировалось представление о том, какой должна быть оборонная литература, какие тексты считать образцовыми, какие подлежат критике. После постановления “О перестройке литературно-художественных организаций” объединение было преобразовано в Комиссию оборонной художественной литературы Союза советских писателей, фактически сохранив свои позиции в литературном поле [2, с. 230]. Все эти факторы привели к формированию

своеобразного канона оборонной литературы внутри соцреалистического.

Тезис о всеохватности оборонной темы, растянутый за счет мощных пропагандистских ресурсов объединения, пересекался и вступал во взаимодействие с другими аспектами отражения советской идеологии в литературе. Одна из смежных тем, которая активно обсуждалась в начале 1930-х годов, — деколонизация новых советских республик. Конечно, в связи с этой темой возникает вопрос о раннесоветских колониальных тенденциях (и о том, корректна ли такая терминология; см. [4, с. 35–45]; [5, с. 5–6]), однако нас интересует в первую очередь советское отрицание колониальности, декларация освобождения, которое новая власть принесла прежде угнетенным народам. С колониальной темой оказывается связана тема борьбы с империализмом, что возвращает нас к оборонной литературе, готовившей советского человека к будущей войне.

Действительно, в журнале “ЛОКАФ” особое внимание уделяется теме “колониального гнета”, причем она развивается по двум векторам: прославление советской политики в национальных республиках и разоблачение империалистических амбиций других стран, точнее той литературы, где они реализуются. В рамках этой модели такие писатели, как Всеволод Иванов с его интересом к культуре Востока, противопоставляются писателям вроде Редьярда Киплинга, у которого восточная тема толкуется советскими литераторами и публицистами как воспевание империализма. Сопряжение колониальной и оборонной темы было сознательной установкой редакции. Так, в тезисах одного из докладов на заседании редколлегии отдельным пунктом плана по критическому отделу упоминаются

¹ С 1933 г. журнал стал выходить под названием “Знамя”, так как ЛОКАФ был распушен в октябре 1932 г. в связи с апрельским Постановлением “О перестройке литературно-художественных организаций” [3, с. 50]. В этой статье речь пойдет о периоде, совпадающем с существованием ЛОКАФ, за исключением более поздней рецензии, которая позволяет проследить, насколько опубликованная в 1931 г. пьеса Всеволода Иванова соответствовала запросу критики.

I Национальный вопрос и колонии. Отражение царской нац<иональной> политики в дореволюционной русской литературе.

II Западный колониальный роман.

III “Поэты-конквистадоры” — Гумилев, Киплинг (РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 18).

В этой статье нам хотелось бы описать, что происходило с колониальной темой в советской оборонной литературе на стадии ее становления. Если говорить о предполагаемом воздействии на читателя (а конечной целью оборонной литературы так или иначе было формирование соответствующих настроений), то тексты на подобную тему должны были создать образ страны-освободителя, противопоставленной странам-колонизаторам, которые при любом удобном случае готовы начать новую войну, тем самым закрепляя свои амбиции. Аудитория журнала “ЛОКАФ” должна была получить четкое представление о том, что советская политика по существу деколонизирующая и деколонизация — одна из целей социалистической революции в любой стране. Такого рода установка порождала ясную литературную и критическую программу. Писатель был призван взять за основу удобную, привычную для него тему и добавить в нее “колониальные” аспекты.

Колониальная тема должна была породить соответствующую риторику негативной и позитивной оценки. Помимо собственно слова “колониальный”, которое, как мы увидим, использовалось непоследовательно, возникают такие характеристики, как “экзотика” и “национализм”. Последнее понятие противопоставлено понятию “национальный”. Советский писатель должен высвечивать национальные особенности, избегая “буржуазного национализма”, под которым подразумевался, по-видимому, сепаратизм внутри СССР [4, с. 9]. Что касается “экзотики”, вероятнее всего, наполнение этого понятия до конца не понимали сами критики.

От соединения колониальной темы с оборонной можно ожидать характерных повторяющихся паттернов, особой риторики и ориентации на неподготовленного читателя, которому следует разъяснить, что такое колониальные амбиции и как им противопоставлена советская политика. Такие аспекты нам бы и хотелось рассмотреть в этой статье. Также заслуживает внимания сам механизм сочетания оборонной темы с колониальной. Как кажется, здесь можно ожидать разнородных стратегий, так как далеко не всегда эта связь представляется очевидной.

В советской литературе 1930-х годов тема деколонизации часто возникает в связи с республиками

советской Центральной Азии. В силу особенностей этого региона власть выбрала удобную стратегию легитимации: противопоставление “колониального гнета” “раю сталинской эпохи” (именно эти обороты используются в публичных выступлениях; см., например: РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 2; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 56. Л. 33). Советская оборонная литература удачно вписывалась в эту линию, так как под остатками колониального гнета понималось басмачество (движение в Центральной Азии, которое находилось в оппозиции к советской власти; в советском дискурсе басмач фактически приравнивался к бандиту [4, с. 174]). Необходимо было представить борьбу с басмачами (к началу 1930-х годов конфликт практически сошел на нет) как оборону границ новых республик от бывших угнетателей. Заметим, что оборонная литература постоянно обращалась к недавней истории, в частности, к Гражданской войне, чтобы “учиться на героизме прошлой революционной борьбы” [6, с. 136]; см. также: [7, с. 175]. Легитимация советской национальной политики могла осуществиться только через разрешение локальных конфликтов. Это было реализовано в создании образа врага, почти ушедшего в прошлое, но готового вновь появиться в будущем.

Тема советской Центральной Азии и обороны ее границ в журнале “ЛОКАФ” вводится прежде всего пьесой Всеволода Иванова “Компромисс Наиб-Хана. Сцены пограничной жизни”, опубликованной в номере 2 за 1931 г.²

Действие пьесы разворачивается весной 1930 г. “в совхозе Кабиль, неподалеку от р. Аму-Дарьи, в Афганистане и в пограничном с Афганистаном городке М.”. Наиб-хан, “эмигрант, бывш<ий> властитель Хивы и Туркмении”, прячется в Афганистане и всеми способами пытается вернуть себе былую власть [10, с. 3]. Воспользовавшись недовольством баев, Наиб-хан снаряжает своих сыновей Рустама и Каушута захватить совхоз Кабиль, куда пастухи угнали байские стада. Заручившись поддержкой купца Измаил-аги (“величайший авантюрист нашего времени, в Европе более известный под именем полковника Лауренса” [10, с. 3]), Наиб-хан получает оружие.

² Позднее пьеса была напечатана в альманахе “Туркменистан весной” (1932), составленном по материалам писательской поездки в Туркмению. Поездка состоялась весной 1930 г., альманах, вероятнее всего, начали готовить в начале 1931 г. Тем интереснее, что “Компромисс Наиб-Хана” оказался напечатан в “ЛОКАФ” уже в февральском номере. Складывается впечатление, что писатель работал над “сценами” крайне быстро или заранее озабочился заготовками. Подробнее о писательских поездках в Туркмению см.: [8]; [9].

Компромисс заключается в том, что если оружие пропадет, Наиб-хан отвечает перед Измаил-агой всем своим имуществом. Весь диалог по поводу компромисса намекает на то, что оружие английское (Измаил-агу называют “представителем обширной империи”): “Афганцев никто не боится, но Англии боится весь мир” [10, с. 13].

В совхозе, однако, узнают о готовящемся нападении и собираются обороняться. Курбан — шпион Наиб-хана, проникший в совхоз под видом представителя хлопкома Мамедова, — пытается расстроить оборонительный план. Курбана разоблачает Хельг, невеста руководителя совхоза Халма Кеное (главного протагониста). Чтобы проверить ее слова, Кеное и политрук Гельды выслеживают байский отряд. Гельды притворяется странником, а Кеное — его прокаженной матерью. В результате Гельды погибает от рук Рустама, но Кеное удается подслушать разговор о планах Курбана. Совхоз получает преимущество, Курбан расстрелян, бай, испугавшись прилетевшего самолета красноармейцев, пытаются бежать обратно в Афганистан, бросив Рустама и Каушута привязанными к ослам. Однако, достигнутые пограничниками, бай оказываются окружены красноармейцами со всех сторон.

Колониальная тема в “сценах” не особенно выражена, однако можно вычленить несколько отсылок к ней. Так, телеграфистка Чулбабаева говорит о туркменах-красноармейцах следующее: “Они бывшие колониальные рабы царя и капиталистов” [10, с. 5]. Советский Союз скрыто противопоставлен империалистической Англии в лице полковника Лауренса. Естественно, местное население добровольно подчиняется советской власти: “Я бы желал согнать стада всех баев из Афганистана, Китая и Индии” [10, с. 15]. Упоминание Индии и Китая, видимо, не случайно: Индия отсылает к Британским колониям, а Китай — к конфликту на КВЖД в 1929 г., который также трактовался как происки империалистических стран (ситуации на советско-китайской границе посвящены и очерки В. Толстого под общим заглавием “Да-Джан”, опубликованные в “ЛОКАФ” в том же году в № 5–6). Колонизаторские черты появляются и, собственно, в образах антагонистов: в Афганистане Рустам носит европейское платье, во время похода — туркменское, вероятно, чтобы вызвать большее доверие среди баев. Также возникает распространенный мотив превращения “национала” в советского человека:

Рустам. Ты афганец?
Бармак. Да, был. <...>

Бармак. Да здравствует советская Азия [10, с. 21–22].

Всеволод Иванов, таким образом, отвечает одновременно на “оборонный” и на “колониальный” государственный запрос³. Как кажется, в тексте оборона небольшого совхоза от случайного набега подана как борьба с мировым империализмом в его колонизаторском проявлении — отсюда намеки на поддержку со стороны Великобритании, “обширной империи”.

Уже открытые выпады в сторону Великобритании появляются в произведениях менее известного автора — Павла Лина⁴, особенно явно — в его очерке “Stout” (1931, № 8):

Настоящие дела Англии совершаются на местах, в рабских колониях, в тиши провинции, в глухих городах. <...> Настоящие египетские дела английского империализма совершаются в Египте, где колониальные английские войска истребляют феллахов [11, с. 55].

В конце очерка фигурирует листовка, “призывающая к поддержке революции в Индии и свержению британского империализма” [11, с. 68]. Она приклеена к корпусу подводной лодки Stout и закрывает первые буквы таким образом, что получается out — “Вон”. Антиколониальная риторика на этот раз вложена в уста англичанина Артура Томпсона. Тема колониализма здесь напрямую вытекает из темы империализма, закрепляя для читателя связь между ними. Как и в случае с “Компромиссом Наиб-Хана”, Великобритания оказывается удобной мишенью для антиколониальной риторики. Автору, видимо, кажется важным подчеркнуть, что “деколонизировать” свою страну хочет сам ее житель. В очерке появляется и другой англичанин — Джек Броунли, “абсолютно советский человек”⁵ (ср. с ситуацией “я был афганцем” в “Компромиссе Наиб-Хана”). Как кажется, это сюжетное решение вытекает из того, что задача писателя в 1931 г. — продемонстрировать, что революция рано или поздно должна случиться в каждой стране. Ср. в вышеупомянутом цикле “Да-Джан”: “Советский Союз будет больше и больше. Китай присоединится. Потом Индия. Потом Европа. Политрук говорит, что в Америке позже всех революция будет” [12, с. 21]. По сути, за счет постоянного педалирования

³ Нам не удалось пока установить, писалось ли произведение специально для “ЛОКАФ” или все-таки для “Туркменистана весной” (см. примеч. 2; нам кажется это принципиальным для понимания того, на какой запрос Иванов отвечал в первую очередь).

⁴ Лин работал корреспондентом в газете “Труд”, служил на флоте, где, видимо, и сформировался как писатель. Его тексты в “ЛОКАФ” часто связаны с жизнью моряков.

⁵ “Джек меня прервал, обиделся и дал понять, что мы знакомы, как два абсолютно советских человека” [11, с. 63].

темы колоний и беспощадных к ним империалистов легитимируется советская политика в отношении собственных национальных республик, а также возможные внешнеполитические амбиции.

В случае с “Компромиссом Наиб-Хана” колониальная тема все-таки не становится главной, в первую очередь речь идет об обороне границ и индустриализации, и открытой пропаганды, за исключением речи одного из персонажей на собрании, нет, зато есть откровенно комические моменты. В “Stout”, наоборот, колониальная тема почти полностью замещает оборонную. Герой служит на торговом судне, и лишь в конце появляется подводная лодка — орудие врага. Совсем нехарактерно для оборонной литературы ее описание. Если обычно оружие, вне зависимости от того, кому оно принадлежит, описано с восхищением или нейтрально, то Stout должен вызывать у читателя отвращение: “...новорожденное чудовище, от свежей краски липкое, серо-зеленое и мокрое, как гной” [11, с. 65]. Лодка становится воплощением колониальной политики. Соединяя антиколониальную пропаганду с оборонной, писатель вынужден отойти от проверенной стратегии. Скомпенсировано это, однако, тем, что речь ведется от первого лица и в уста героев пропаганда вложена открыто. У читателя не должно возникнуть заблуждения, что война плоха сама по себе, “пацифистских настроений”⁶. Плохо орудие колонистов, антиколониальная война будет благом. Интересно, что каждый из писателей решает задачу в привычных ему декорациях: для Иванова это ориентальная тема, для Лина — морская. Отвечая одновременно на антиколониальный и оборонный запрос, оба они выбирают оптимальный маневр между собственными писательскими целям и идеологией. Сопрежение оборонной темы с колониальной в художественных текстах пока не получает характерной риторической окраски, однако сочетание “колониальные рабы” встречается и позднее. Вообще соотносимость “колониализма” с “рабством” — одна из тем, которые педалируются в литературе о советских национальных республиках. Читательское внимание привлекается к ключевым элементам колониального сюжета: рабство и освобождение, амбиции империалистов, мирная оборонная политика СССР.

Уже в “Знамени” будет опубликована критическая статья “Всеволод Иванов — драматург” (1933, № 12), автор которой П. Березов положительно

оценит “Компромисс Наиб-Хана” [13]. В статье нет прямых указаний на колониальную тему, однако присутствует такое характерное для литературной критики первой половины 1930-х годов понятие, как “экзотика”: “Автор не впадает в традиционно экзотическую трактовку Востока. <...> Автор расценивает жизненные явления прежде всего с точки зрения классовой борьбы” [13, с. 194]. В статьях этого периода оно обычно означает поверхностное отношение к описываемой республике, которое наследует дореволюционному, а следовательно, “колониальному” изображению [14, с. 6]. По мнению критика, колониальная тема была решена в пьесе Иванова достаточно хорошо, она может служить образцом для новой литературы о Туркмении. Как кажется, стратегия Иванова оказалась удачной, работа с темой освобожденной колонии соответствовала актуальному запросу.

Колониальной темы также касаются критические статьи времен ЛОКАФ. Так как их содержание по существу предписывающее, в них мы встречаем указания на то, какие аспекты автор должен затрагивать в своих произведениях. Для критических статей в “ЛОКАФ” в целом характерна большая, чем для беллетристики, шаблонность. Воспроизводится один и тот же паттерн: творчество автора характеризуется по наличию в нем “империалистических”, “шовинистических”, “пацифистских” и “экзотических” тенденций положительно или отрицательно (если критик решает, что такие черты есть, произведение характеризуется как неудачное). Такая классификация встраивает оборонный сюжет в ценностную систему: критик пользуется набором характеристик и помещает произведение в соответствующую нишу, в которой, как кажется, оно и закрепляется впоследствии. В случае если произведение или сборник получают одобрительный отклик, в конце рецензии отмечают мелкие недочеты. Так или иначе, любой критический текст завершается дежурным заявлением о необходимости следовать принципам диалектического материализма, отражать классовую борьбу и разоблачать врагов-империалистов.

В номерах журнала “ЛОКАФ” за 1932 г. (в 1931 г. колониальная тема в критике не затрагивается) феномен антиколониальной риторики наиболее отчетливо проявляется в статье “Колонии кричат” А. Тарасенкова (№ 5), в анонимном тексте «Преодоление “экзотики”» (№ 8–9) и отзыве А. Мингулиной “Восстающие колонии” (№ 10).

В первом из этих трех текстов речь идет о сборнике стихотворений Анатоля Гидаша (наст.

⁶ О пацифизме в оборонной литературе см., например, статью Н. Свирина “Против пацифистских тенденций в советской литературе” (ЛОКАФ. 1931. № 9).

имя — Антал Гидаш) — венгерского поэта и прозаика, принимавшего активное участие в деятельности ЛОКАФ и в издании журнала⁷. Сборник "Колонии кричат" вышел в переводе А. Ромма.

Тарасенкова можно назвать "дежурным критиком" "ЛОКАФ" по поэзии. За два первых года существования журнала почти все рецензии на сборники стихотворений выходили с его подписью. В своих текстах Тарасенков последовательно критикует "буржуазную" поэзию. Помимо прочего, рецензия на сборник Гидаша интересна и тем, что разбираются переводные произведения. Чаще всего они оценивались исходя из лояльности автора СССР. Гидаш, однако, занимает промежуточную позицию между советскими и иностранными авторами (к моменту выхода рецензии он живет в СССР уже около семи лет).

Тарасенков начитает с характерного для тех лет заявления о "колониальной политике" Второго Интернационала и "гандистско-толстовской" продаже национально-колониального движения в руки отечественной и метропольной буржуазии" [15, с. 149]. Под "гандистско-толстовской продажей", вероятнее всего, автор имеет в виду пацифизм. Помимо Индии и Африки, в число колоний он включает также Китай (ср. с "Да-Джан", где китайские солдаты предстают изможденными мучениками, которые сами не хотят воевать с советскими).

Рецензия на сборник в целом хвалебная, Тарасенков хвалит Гидаша за "боевые революционные лозунги, реализованные в образах борющихся (sic!) угнетенных колониальных и полуколониальных народностей" [15, с. 149]. Отрицательные оценки в основном сводятся к творческому методу Гидаша. Автор рецензии разбирает стихотворения "Гвозди привезли", "Кто ты такой?", "Но Африка наша", "О советская родина", "Чапей", "Ну, а дальше". Тарасенков хвалит Гидаша одновременно за интернационализм и за передачу национальных особенностей. Последнее характерно для колониальной темы в советской критике: если речь идет о народе, который угнетают империалисты, важной оказывается национальная тема. Когда же речь заходит о внутрисоветской ситуации, например о басмачестве в Центральной Азии, та часть местного населения, которая не приняла советскую власть, обвиняется в "национализме", под которым, как уже было сказано, фактически подразумевается сепаратизм

[16, с. 137]. Лавирование между "национальным" и "националистическим" зависит, таким образом, от лояльности советской власти. Однако в рецензии Тарасенкова национальная тема упомянута лишь вскользь, даже когда он цитирует строки:

Белый убийца, белый злодей,
Дитятко,
Он хуже змей, он тигра злей,
Дитятко [15, с. 149].

Оценки постоянно смещаются в сторону классово-борьбы. Культура колоний не интересует Тарасенкова. В первую очередь ему важна борьба с эксплуататорами, все равно в какой стране. Интересно, что Тарасенков почти не касается темы собственно козней империалистов. Так, в случае с Китаем речь идет в первую очередь о владычестве "мандаринов, помещиков и ростовщиков" [15, с. 150]. Особенно Тарасенкову нравится, что восставшие "колониальные народы" объединяются с простыми рабочими. Типично для подобного рода рецензий и упоминание "мелкобуржуазных гуманистов", которым противопоставлена готовность физически уничтожить "эксплуататоров" (sic!). Впрочем, призывы уничтожить "материально-техническую культуру капитализма" Тарасенков оценивает как небольшевицкие и анархические [15, с. 150].

На первый взгляд неочевидно, почему рецензия на этот сборник оказалась в журнале оборонной тематики. Однако авторов "ЛОКАФ" часто интересует зарубежная внутренняя политика. Под грядущей войной они подразумевают в первую очередь классовую войну. Оказывается важным подвести к этой теме любые произведения, хотя бы отчасти затрагивающие тему свержения существующего строя. У Тарасенкова мы уже находим устойчивое употребление слова "национальный" по отношению к культуре угнетенных народов (в меньшей степени) и их борьбе за свободу (в большей). Читателя таким образом подспудно укрепляют в мысли, что "мирная оборонная политика СССР" и деколонизация направлена на самом деле на сохранение национальных культур.

Рецензия "Восстающие колонии" А. Мингулиной посвящена книгам Сесара Вальехо "Вольфрам" и Шарля Буссино "Жалкий люд", как раз опубликованных на русском (в первой речь идет об индейцах в Латинской Америке, во второй — о феллах в Тунисе). Большая часть рецензии представляет собой простой пересказ романов, однако есть характерные оценочные суждения. Традиционно Мингулина начинает с подразделения писателей на три типа: "открытые идеологи империализма", мелкобуржуазные

⁷ В 1925 г. Гидаш эмигрировал в СССР, позже подвергся репрессиям, а после реабилитации занимался переводами с венгерского, пока не получил разрешение вернуться в Венгрию.

и революционные (фактически — открыто сочувствующие СССР). Интересен характер словоупотребления: романы революционных писателей Мингулина называет “колониальными”, не подразумевая негативной коннотации. Колониальные в данном случае означает “написанные о колониях”. В советской публицистике встречается, однако, и другое употребление. Так, в рецензиях на альманахи, посвященные республикам Центральной Азии, слово “колониальный” по отношению к зарубежной литературе употребляется в негативном ключе [17, с. 174]. Терминология, таким образом, оказывается неустоявшейся. Со статьей Тарасенкова у рецензии Мингулиной много общего. Она повторяет идеологические штампы относительно межнационального единения (на этот раз — индейцев с простыми рабочими) и рисует мрачную картину колонизаторских империалистических козней. Однако с оборонной темой тема колоний у Мингулиной сопрягается иначе, чем у Тарасенкова. Одной из задач оборонной литературы была критика дореволюционной армии, Мингулина точно так же критикует “колониальную армию”:

Среди самых разнообразных видов угнетения, военная служба в империалистической армии — самое страшное, самое тяжелое для туземца. <...> Мы знаем, что властью оружия и средствами запугивания империалисты в значительной степени пополняют контингент своих армий туземными войсками... <и т.д.> [18, с. 187].

Империалистическая армия подспудно противопоставлена советской уже с другого ракурса: в РККА бывшие колониальные народы вступают добровольно, она становится социальным лифтом, а империалисты их заставляют. Так появляется новый паттерн для колониальной темы. Читателю транслируется мысль о том, что вся империалистическая армия колониальна по своей сути. Дежурные претензии к текстам сводятся в основном к “экзотике”.

Этой последней теме и посвящена статья «Преодоление “экзотики”» о книге Петра Павленко “Путешествие в Туркменистан” (Туркмения по какой-то причине привлекает особое внимание писателей). Эта статья лучше всего позволяет уточнить содержание понятия “экзотика” в 1930-е годы. Аксиология статьи базируется на уже описанных принципах: писателя хвалят за то, что он “преодолеет” собственный творческий метод, в конце указаны незначительные “рецидивы”. В случае Павленко объектом преодоления становится “экзотика”, которая, по мнению автора рецензии, заключается

в любовании восточной эстетикой и “буржуазном ориентализме” [19, с. 217]. Однако сама по себе статья выбивается из общего ряда — оборонная тематика в ней вообще никак не представлена; в самой книге упоминаются пограничники, но лишь вскользь. Впрочем, Павленко был членом ЛОКАФ, позднее активно печатался в “Знамени”. Сама принадлежность автора к группе автоматически включает его произведение в круг “оборонных” литераторов. В рецензии колониальная тема и вовсе подменяет оборонную полностью.

Впоследствии журнал будет касаться колониальной темы реже. В настоящей статье мы попытались проследить начальное состояние, когда редакция ищет пути соединения “колониальности” с “оборонностью” (хотя в статье «Преодоление “экзотики”» уже намечается превалирование принадлежности автора к кругу журнала над собственно оборонной темой). Критические обзоры в журнале “ЛОКАФ” формируют особую антиколониальную риторику, а специфическая терминология этих текстов дискурсивно оформляет молодую советскую идеологию. Уже на начальном этапе можно увидеть активно тиражируемый риторический инструментарий, который можно применить практически к любому произведению на антиколониальную тему. Художественные тексты отвечают ожиданиям критики, воспроизводя характерные паттерны, используют удобные для обличения мишени, тем самым противопоставляют колониальное отношение к угнетенным народам советскому. Так антиколониальная “оборонность” встраивается в произведение как раз в той мере, чтобы выдать читателю идеологические ориентиры. Писательская стратегия в этом отношении совпадает с общей стратегией журнала: автор работает с удобной для себя темой, помещая ее в антиколониальные декорации. И писатели, и критики по-разному встраивают колониальный элемент в оборонный текст. Остается неизменным, однако, мысль о том, что колониализм будет повержен вместе с империализмом в будущей войне. Так можно легитимировать не только внутреннюю политику СССР, но и внешнюю: любой выпад в сторону других стран потенциально оценивается как помощь угнетенным народам колоний.

Конечно, ситуация с “постколониальной” советской оптикой была значительно сложнее. Само отношение к читателю, которому нужно растолковать, кто прав, а кто виноват в сложившейся международной ситуации, означает, что он представляется оборонным литераторам наивным, нуждающимся в обучении. Оборонный автор так

или иначе занимает главенствующую позицию, он управляет читателем и направляет его в соответствии с актуальной идеологической повесткой. Эта повестка, в свою очередь, транслируется автору организацией, в нашем случае – ЛОКАФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München: Verlag Otto Sagner, 1993. 405 с.
2. Добренко Е. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 225–241.
3. Закружная З.С. Литературное объединение Красной армии и флота и Союз советских писателей: к вопросу об истоках соцреализма // *Studia Literrarum*. 2019. Т. 4. № 2. С. 44–61.
4. Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
5. Hirsch, F. *Empire of Nations. Ethnographic knowledge and making the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 392 p.
6. Новый батальон пролетарской литературы // ЛОКАФ. 1931. № 1. С. 135–138.
7. Закружная З.С. Принципы изображения героя Гражданской войны в литературно-критических выступлениях членов ЛОКАФ (по материалам архива ОР ИМЛИ РАН) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 171–184.
8. Рожнецова Е.А. Опыт документирования туркменских поездок А.П. Платонова // Архив Андрея Платонова. Кн. 1. Москва: ИМЛИ РАН, 2009. С. 398–407.
9. Holt K. Collective Authorship and Platonov's Socialistic Realism // *Russian Literature*. 2013. Vol. 73. P. 57–83.
10. Иванов В. Компромисс Наиб-Хана (Сцены пограничной жизни) // ЛОКАФ. 1931. № 2. С. 3–46.
11. Лин П. Stout // ЛОКАФ. 1931. № 8. С. 57–68.
12. Толстой В. Да-Джан // ЛОКАФ. 1931. № 5–6. С. 3–21.
13. Березов П. Всеволод Иванов — драматург // Знамя. 1933. № 12. С. 188–197.
14. Schimmelpennick van der Oye D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, CT: Yale University Press, 2010. 312 p.
15. Тарасенков А. <Рец. на:> Гидаш А. “Колонии кричат” // ЛОКАФ. 1932. № 5. С. 149–151.
16. Таш-Назаров О. Доклад о литературе Туркменской СССР // Первый Всесоюзный съезд

советских писателей. Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 136–140.

17. Бурцева А.О. Познание “изнутри” и “снаружи”: литературная критика о туркменских альманахах 1930-х гг. // *Текстология и историко-литературный процесс: Сб. статей*. М.: Буки-Веди, 2020. С. 160–175.
18. Мингулина Н. Восстающие колонии // ЛОКАФ. 1932. № 10. С. 184–187.
19. Б. П. Преодоление “экзотики” // ЛОКАФ. 1932. № 8–9. С. 217–219.

REFERENCES

1. Dobrenko, E. *Metafora vlasti: Literatura stalinskoj epokhi v istoricheskom osveshchenii* [Metaphor of Power: Literature of the Stalin Era in Historical Context]. München, Verlag Otto Sagner, 1993. 405 p. (In Russ.)
2. Dobrenko, E. *Oboronnaia literatura i sotsrealizm: LOKAF* [Defense Literature and Socialist Realism: LOKAF]. *Sotsrealisticheskij kanon* [Socialist Realist Canon]. St. Petersburg, Akademicheskij Proekt Publ., 2000, pp. 225–241. (In Russ.)
3. Zakruzhnaya, Z.S. *Literaturnoe objedinenie Krasnoj armii i flota i Sojuz sovetskikh pisatelej: k voprosu ob istokakh sotsrealizma* [Literary Association of the Red Army and Navy and the Union of Soviet Writers: Unpacking the Origins of Social Realism]. *Studia Literrarum*, 2019, Vol. 4, No. 2, pp. 44–61. (In Russ.)
4. Abashin, S.N. *Sovetskii kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizatsiei* [Soviet Kishlak. Between Colonialism and Modernization]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015. 720 p. (In Russ.)
5. Hirsch, F. *Empire of Nations. Ethnographic knowledge and making the Soviet Union*. Ithaca, Cornell University Press, 2005, 392 p.
6. *Novyj bataljon proletarskoj literatury* [New Squadron of Proletarian Literature]. *LOKAF*, 1931, No. 1, pp. 135–138. (In Russ.)
7. Zakruzhnaya, Z.S. *Printsipy izobrazhenija geroja Grazhdanskoj vojny v literaturno-kriticheskikh vystuplenijakh chlenov LOKAF (po materialam arkhiva OR IMLI RAN)* [Principles of Representation of the Civil War Hero in Literary Criticism of LOKAF Members (Based on the Materials of the Department of Manuscripts of the IWL RAS)]. *Vestnik slavianskikh kultur* [Hearld of Slavic Cultures], 2018, Vol. 49, pp. 171–184. (In Russ.)
8. Rozhentseva, E.A. *Opyt dokumentirovaniia turkmenskikh poezdok A.P. Platonova* [Attempt on Recording of A.P. Platonov's Turkmen Trips]. *Arkhiv Andreja Platonova* [Andrey Platonov's Archive]. Book 1. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009, pp. 398–407. (In Russ.)

9. Holt, K. Collective Authorship and Platonov's Socialistic Realism. *Russian Literature*, 2013, Vol. 73, pp. 57–83.
10. Ivanov, V. *Kompromiss Naib-Khana (Stseny pograničnoj zhizni)* [Naib-Khan's Compromise (Scenes from Life on the Border)]. *LOKAF*, 1931, No. 2, pp. 3–46. (In Russ.)
11. Lin, P. Stout. *LOKAF*, 1931, No. 8, pp. 57–68. (In Russ.)
12. Tolstoy, V. Da-Dzhan. *LOKAF*, 1931, No. 5–6, pp. 3–21. (In Russ.)
13. Berezov, P. *Vsevolod Ivanov – dramaturg* [Vsevolod Ivanov as a Playwright]. *Znamja* [The Banner], 1933, No. 12, pp. 188–197. (In Russ.)
14. Schimmelpennick van der Oye, D. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, CT, Yale University Press, 2010, 312 p.
15. Tarasenkov, A. <Rets. na> Gidash A. “Kolonii krichat” [*<Rev. of.> Gidash A. “Colonies are Screaming”*]. *LOKAF*, No. 5, pp. 149–151. (In Russ.)
16. Tash-Nazarov, O. *Doklad O. Tash-Nazarova o literature Turkmenskoy SSSR* [Report of O. Tash-Nazarov about the Literature of Turkmen SSR]. *Pervyi Vsesoiuznyj sjezd sovetskikh pisatelej. Stenograficheskij otchet* [The First Congress of Soviet Writers. Shorthand Record]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1934, pp. 136–140. (In Russ.)
17. Burtseva, A.O. *Poznanie “iznutri” i “snaryzhi”: literaturnaja kritika o turkmenskikh almanakhah 1930-kh gg.* [“Inside” and “Outside” Knowledge: Turkmen Almanacs of the 1930s in Critical Reviews]. *Tekstologija i istoriko-literaturnyj protsess* [Textual Criticism and Historical Literary Process]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2020, pp. 160–175. (In Russ.)
18. Mingulina, N. *Vosstavshije kolonii* [Rebel Colonies]. *LOKAF*, 1932, No. 10, pp. 184–187. (In Russ.)
19. B.P. *Preodolenije “ekzotiki”* [Defeating “Exoticism”]. *LOKAF*, 1932, No. 8–9, pp. 217–219. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 25 мая 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 июня 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 июня 2021 г.

Дата публикации: 31 августа 2021 г.

Received by Editor on May 25, 2021

Revised on June 28, 2021

Accepted on June 30, 2021

Date of publication: August 31, 2021